

После того, как Чжоу Цзячжэнь выпила миску куриного супа, ее лоб покрылся тонким слоем пота, в животе стало тепло, и ее охватило чувство удовольствия, как будто она прижалась к матери, как в детстве.

Девушка вытерла слезы и прошептала:

— Это очень вкусно, у него такой же вкус, как у супа, который готовила моя мама.

Горячая миска куриного бульона улучшила настроение Чжоу Цзячжэнь, и девушка перестала хмуриться от печали. Она с улыбкой закрыла книгу, достала из кармана талон на мясо и положила его на стол.

— Спасибо за куриный суп. Книга, которую ты мне подарила, очень интересная! — Чжоу Цзячжэнь от души похвалила полученный подарок.

— Я рада, что она тебе понравилась.

Чжао Ланьсян посмотрела, как Чжоу Цзячжэнь покинула дом семьи Хэ, и взяла миску куриного супа, чтобы отнести ее Хэ Сунбаю. Она подошла к двери в комнату мужчины, постучала и повернула ручку, но обнаружила, что тот заперся.

— Открой дверь.

Чжао Ланьсян нахмурилась. Изнутри донесся приглушенный, ленивый голос с хрипотцой, как будто кто-то спал днем и только что проснулся:

— Я сплю. В чем дело?

В конце концов, Чжао Ланьсян делила постель с Хэ Сунбаем более десяти лет. Чувство вины не могло быть скрыто хриплыми словами мужчины, как это могло проскользнуть мимо ее ушей?

Раньше, когда он был виноват, то использовал ленивый тон, и его речь была медленнее, чем обычно, а сейчас он тянул слова, как тибетский мастиф тянет груз. Его тон совсем не был спокойным. Скорее всего, он просто притворялся спящим.

Чжао Ланьсян негромко произнесла:

— Ты еще не открыл дверь? Сестра вот-вот придет...

Спящий мужчина в комнате внезапно почувствовал сильную головную боль, а его нахмуренные брови могли раздавить муху. Он с невероятной скоростью слез с кровати и, прихрамывая,

подошел, чтобы открыть дверь своей тайной подружке.

Хэ Сунбай торопливо втащил ее в комнату, выглядывая из-за дверной рамы и ища глазами фигуру старшей сестры. Однако... ни одного волоска с головы сестры Хэ не было видно, а когда он обернулся к Чжао Ланьсян, то увидел лишь слабую улыбку на ее губах.

Парень закрыл дверь и оперся одной рукой об дверной косяк, чтобы поддержать свое тело. Он опустил голову и попытался соврать:

— Я просто спал, — его уши вдруг покраснели со скоростью, видимой невооруженным глазом, и он закашлялся: — Ты сделала куриный суп?

Чжао Ланьсян поставила тарелку на стол:

— Выпей, я уйду, когда ты закончишь.

Хэ Сунбай не хотел пить куриный суп, но, в конце концов, он не смог отказать этой женщине в доброте. После недолгой внутренней борьбы он молча взял эмалированную миску. Он пил суп и жевал курицу. Съев все, Хэ Сунбай вытер жир со рта и сказал спокойно, но твердо:

— Ланьсян, это последний раз, когда я ем твою еду. Может быть, тебе все равно на то, что я сказал, но... Запомни, мужчины, которые живут за счет женщины, не являются хорошими мужчинами, и ты не должна искать такого человека в будущем.

После того, как Хэ Сунбай закончил говорить, он, прихрамывая, подошел к шкафу и достал несколько банкнот. Под удивленным взглядом девушки его широкие теплые ладони накрыли ее руки. Толстые мозоли на его ладонях царапали ее нежную кожу. Чжао Ланьсян нахмурилась, глядя, как скомканную бумажку засовывают ей в руку.

Десять юаней, такая крупная купюра... Наверное, это то, что осталось от его сбережений?

Парень посмотрел на Чжао Ланьсян. Его брови нахмурились, а губы сжались, вскоре он сказал:

— Просто возьми их себе.

Пальцы Чжао Ланьсян слегка дрожали, но она положила эти скомканные деньги в карман.

Хэ Сунбай снова сказал:

— Течжу приходил утром, когда ты ездила в город. Он принес сумку с горными фруктами и овощами. Мне они не нужны. Можешь взять их себе.

Он наклонился и полез под стол, откуда вытащил мешок и поставил перед Чжао Ланьсян.

Она нагнулась и подняла его. Открыв его, она с удивлением обнаружила, что тот был наполнен сушеными красными финиками и свежим бататом. Оба эти продукта были хороши для восполнения ци* и питания тела, и они подходили для рациона Хэ Сунбая.

П.п.: Ци – образно называемая «жизненная сила», является главным основополагающим принципом китайской традиционной медицины и китайских боевых искусств.

— Мне не нравится это есть, и ты не должна делать из этого что-то для меня. Съешь сама, понимаешь?

Он подчеркнул слово «сама».

Чжао Ланьсян кивнула.

После того как Хэ Сунбай закончил говорить, он погладил ее по голове своей широкой рукой и произнес:

— Возвращайся.

Мягкий голос мужчины был почти неслышен:

— ...беспечный дурак.

Однако Чжао Ланьсян услышала его. Когда она несла батат и красные финики, ее лицо вдруг покраснело, а на сердце стало сладко, как будто его полили медом.

Чжао Ланьсян с трудом несла эту сумку, полную тяжелых продуктов. Если бы ей пришлось есть все это в одиночку, она не была уверена, что смогла бы доесть все даже к концу года.

Вдруг девушка вспомнила о своем сдувшемся кошельке и о том, что уже некоторое время не ходила на черный рынок, чтобы пополнить запасы денег.

Чжао Ланьсян планировала использовать часть этого мешка с горными сокровищами, чтобы сделать несколько лепешек и отнести их на черный рынок для продажи. Поэтому она попросила у капитана отпуск на один день и энергично встала на следующее утро.

Красные финики были замочены в колодезной воде, и после целой ночи вымачивания они

стали круглыми и пухлыми, их цвет потемнел, а текстура стала гладкой. Чжао Ланьсян терпеливо чистила финики один за другим и клала их в пароварку, чтобы они стали мягкими и нежными. После того, как финики хорошо пропарились, она процедила их через марлевое сито, оставив только пюре. После этого девушка нагрела кастрюлю, добавила сахар и перемешала его с пюре из фиников.

После снятия кастрюли с огня, когда все внутри полностью смешалось, постепенно появился сладкий аромат.

Затем она выбрала несколько нежных бататов, приготовила их на пару, пока их кожица не стала мягкой и восковой, и добавила клейкую рисовую муку, чтобы получилось бататовое тесто. Чжао Ланьсян замесила белое бататовое тесто в различные формы, добавила финиковое пюре, а затем приготовила лепешки на пару.

Когда небо еще было темным, Чжао Ланьсянь уже приготовила целую корзину лепешек. Она вытерла пот со лба, аккуратно упаковала их в чистую белую ткань и положила все в сумку.

В темноте ночи земля погрузилась в безмолвный сон. Жители деревни Хэцзы все еще наслаждались сладким сном, а Чжао Ланьсян толкала в это время велосипед в уездный город.

Она осторожно ехала на велосипеде и вдруг остановилась, когда проезжала мимо двери комнаты Хэ Сунбая. В свете фонарика парень наклонил голову и прислонился к стене. Ей стало интересно, как долго он ждал здесь. В тот момент, когда он увидел свет, то поднял голову, неловко кашлянул и сказал Чжао Ланьсян:

— Иди сюда.

Девушка немного смутилась, но только прижала к плечу сумку.

Хэ Сунбай удивился:

— Я не съем тебя, чего ты боишься?

Чжао Ланьсян подошла, а Хэ Сунбай достал из кармана бумажку и протянул ей:

— Когда приедешь в уездный город, отнеси свой товар по этому адресу.

Чжао Ланьсян была так удивлена, что быстро направила свет фонарика на бумагу и увидела на ней корявую строчку, написанную карандашом:

— Ты умеешь писать!

Девушка была очень удивлена. Она думала, что он еще не читал ни одной книги. Как только она произнесла это, Хэ Сунбай строго посмотрел на нее. Оказалось, что он получил образования не в тюрьме.

Он зевнул и сказал:

— Можешь ехать, я иду спать. Возвращайся пораньше.

Чжао Ланьсян села на велосипед, прикрепила фонарик к передней части своего транспорта и быстро скрылась в густой тьме ночи. Приехав в уездный город, она отправилась по адресу, написанному Хэ Сунбаем. Девушка изучила все дороги и наконец подъехала к светлому жилому дому.

Чжао Ланьсян постучала в дверь, и, прежде чем стук прекратился, какой-то человек быстро вышел. Он окинул ее нервным взглядом, и она тихо произнесла:

— Собираю цветы персика для вина.

Незнакомый человек вздохнул с облегчением и поинтересовался:

— Почему старший сын семьи Хэ не пришел? Что ты принесла?

— Ему неудобно, и он не может прийти. Это лепешки из батата, всего около семи килограмм, можешь попробовать.

Мужчина взял кусочек и попробовал. Тесто было мягким и клейким, а внутри него была липкая и сочная начинка из красных фиников с сахаром. Его рот наполнился сладостью и ароматом, завернутым в слой легкой лепешки из батата. Весь пирожок был сладким, но не жирным.

Он завел Чжао Ланьсян в дом, взвесил пироги на весах и обнаружил, что в них чуть больше семи килограмм.

— Сколько это стоит?

Девушка решительно ответила:

— Если ты заберешь их все, то я сделаю тебе скидку, 4 юаня 4 цзяо за полкило и талоны на полкило сахара.

Мужчина пробормотал:

— Так дорого?

— Лепешки сделаны из батата, красных фиников и белого сахара. Это очень вкусно и питательно. Более того, лепешки особенно нравятся детям и пожилым людям. Это не то же самое, что дешевые товары из муки.

— Хорошо, только шепотом. Не слишком громко!

Мужчина несколько раз посмотрел на Чжао Ланьсян и быстро передал ей деньги, получилось около шестидесяти двух юаней за все.

— Возвращайся и будь осторожна.

Девушка забрала деньги и кивнула. Думая об этом организованном и дисциплинированном методе, как Хэ Сунбай узнал об этом?

В прошлый раз она дала ему пироги из бобов мунг, а он получил больше десяти юаней. Но в этот раз стоимость батата и красных фиников дороже бобов мунг. Честные люди легко теряют деньги. Если бы она знала, что все так быстро купят, то высокомерно назвала бы более высокую цену.

Девушка потрогала свое лицо и быстро уехала на велосипеде.

В городе Г, военно-медицинский госпиталь.

Мужчина с головой, обмотанной марлей, читал свое письмо. Медсестра, которая утром измеряла ему температуру, не могла не взглянуть на него снова, и настроение у нее улучшилось. Когда смотришь на красивые вещи, всегда чувствуешь себя лучше!

[Брат, как ты? Жизнь в стране очень тяжелая. Я боюсь, что талонов на еду и мясо в этом месяце не хватит. Я также надеюсь, что мой брат окажет материальную поддержку. А еще после того, как ты проучил Чжао Ланьсян в прошлом письме, она стала добрее ко мне относиться. Кстати, лапша, которую она приготовила, очень вкусная. Твоя сестра, Цзян Ли.]

Мужчина коснулся своей головы, и его красивые брови напряженно нахмурились.

Медсестра вдруг произнесла:

— Командир, вам нельзя утомляться после операции. Вы можете оставить такие вещи мне. Я

могу прочитать это для вас.

Цзян Цзяньцзюнь* взглянул на календарь и снова прочитал письмо, его темные глаза вспыхнули от удивления.

П.р.: Если кто не помнит, этот человек был первым мужем Чжао Ланьсян в прошлой жизни, он очень плохо к ней относился.

Мужчина сказал:

— Сходи в дежурную комнату, посмотри, нет ли там писем для меня?

<http://tl.rulate.ru/book/46619/1791195>